

УДК 821.161.1-3:7.036-047.44 "192"

Морева Т.Ю.

кандидат филологических наук, доцент
кафедра общего и славянского литературоведения,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, Украина, 65058
moreva.tamara2765@gmail.com

**ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА
И РОМАНТИЗМ (В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ ИДЕЙ
ПРОФЕССОРА А.А. СЛЮСАРЕЯ)**

В статье представлен анализ программных положений теории новой культуры Алексея Капитоновича Гастева, представлявшего Петроградскую группу Пролеткульта, а также его художественных произведений в контексте концепции пролетарской поэзии, обоснованной А.А. Слюсарем в его кандидатской диссертации.

***Ключевые слова:** пролетарская поэзия, романтизм, романтика, поэт-пророк, теория культуры, А.К. Гастев*

Русская культура конца XIX – начала XX веков – сложный и противоречивый период в развитии общества. В переходную эпоху первых десятилетий XX века активизируется интерес к проблемам судьбы, свободы человека. Прежде всего, это обусловлено выходом истории на новый виток развития, сопровождавшийся такими культурными процессами, как пересмотр ценностей и изменение картины мироздания, осмысление личностью себя как субъекта исторического развития. В статье «Два типа границ между культурами» академик Д. С. Лихачев следующим образом определил суть процесса диалогизации культур, происходящего в результате столкновения рубежных эпох: «Понятие границы в культуре несет в себе нечто таинственное. Что это – полоса общения или, напротив, стена разобщенности? Очевидно – и то, и другое. Как область наиболее интенсивного общения культур, она знаменует собой наиболее творческую сферу, где культуры не только обмениваются опытом, но и ведут диалог, по большей части обогащающий друг друга, но иногда и стремящийся к сохранению собственной обособленности» [3, 102]. Таким образом, именно ситуация рубежа делает присущий культуре на любом отрезке ее развития диалог наиболее острым и значимым.

В начале своей научной деятельности профессор А.А. Слюсарь сосредоточил внимание на одном из наиболее сложных и противоречивых явлений литературного процесса рубежа веков – диалоге поэтов первых десятилетий XX века с романтизмом. В кандидатской диссертации он обратился к такой

стороне деятельности поэтов «Кузницы», как усвоение ими традиций романтизма. По его мнению, эти поэты, выдвинув на первый план своё отношение к действительности, но, уловив лишь её общие очертания, оказались близки романтикам. А.А. Слюсарь следующим образом обозначил главные особенности художественного метода пролетарских поэтов: «а) преобладание субъективного выражения общественно-политических и эстетических идеалов над объективным изображением жизни, осмыслявшейся порой субъективистски – вплоть до признания ее эманацией классовой психологии; б) абстрагирование от общественно-исторических обстоятельств, что вело к упрощению внутреннего мира человека и его связей со средой; личность и общество отображались как нересчлененное единство, в котором утрачивались неповторимость индивидуальности и определенность социальной обстановки; в) эстетизация новой действительности, состоявшая в том, что общее, отвлеченное от частного, воспринималось как явление, независимое от жизни, и как бы привносилось в нее извне в потенцированном виде; г) эмоциональное отношение к действительности, почти полностью исключаящее аналитический подход к ее фактам, что усугублялось преувеличением интуиции в художественном познании» [5, 2–21]. Тяготение поэтов «Кузницы» к романтическим художественным принципам, романтической эстетике выразилось, как показал в своей диссертации А.А. Слюсарь, в их возвращении к романтической лексике, в представлении творчества как реализации «избранничества» вплоть до именованя поэта «пророком». Как подчеркнул ученый, понятию «пророк» было возвращено то значение, в котором его употребляли в начале XIX века А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов. Оно было несколько трансформировано имажинистами, у которых лексема «пророк» утратила общественное содержание и указывала на необычность художественного дара, возвышающего поэта над повседневной жизнью. «Поэты «Кузницы» возвратили слову «пророк» гражданское звучание с целью возвеличивания певца социалистической революции. В качестве аргумента А.А. Слюсарь привел строчки стихотворения «Пролетарские поэты» (1922) Сергея Александровича Обрадовича, в котором выражено стремление поэта «Радуюсь зорям, горну, поступи площадей», «Пасть пророком, творцом и трибуном / Под шелест знаменных лучей» [5, 15].

На первый взгляд, для Алексея Капитоновича Гастева, на литературной деятельности которого мы остановимся подробнее, подобное представление о поэте не было характерно. Он декларативно отвергает пророческую миссию поэта. «Мы не хотим быть пророками», – восклицает он [1]. И в то же время его творчество также может быть рассмотрено в контексте искусства романтиков.

А.К. Гастев не входил в круг поэтов «Кузницы». Возможно, в связи с тем, что к 1920 году (год создания объединения) он всецело сосредоточивается на идее «механизированного коллективизма» и общественной деятельности, создав и возглавив Центральный Институт Труда. Кроме того, он представлял Петроградскую ветвь Пролеткульта, а члены «Кузницы» – московские пролетар-

ские поэты и писатели, вышедшие из Пролеткульта. И в то же время ему, как и поэтам «Кузницы», было присуще принципиальное новое, революционное, понимание культуры, стремление к созиданию совершенно нового до сих пор еще не существовавшего искусства.

К наследию А.К. Гастева можно относиться по-разному. Так, к примеру, Н.А. Ткаченко истолковывает его поэзию как демоническую. Действие всех его стихотворений в прозе, отмечает она, за редким исключением, «происходит в inferнальном типе пространства», и это пространство «изображается не с негативной оценкой страданий и ужаса, а наоборот, с демоническим наслаждением всем происходящим. А.К. Гастев радуется смерти миллионов, их ужасной гибели и усматривает в этом величие человечества и рождение сверхчеловека». И далее исследовательница приводит в подтверждение своей мысли фрагмент из «Мы посягнули». В то же время это стихотворение в прозе А.К. Гастева можно истолковать и иначе – не как восторг от гибели миллионов, а как готовность к жертвенности ради будущего. Он, как и миллионы других его современников, готовы стать тем зерном, которое, попадая в почву, самой своей смертью рождает новую жизнь. «Мы войдем в землю тысячами, – пишет он в «Мы посягнули», – мы войдем туда миллионами, мы войдем океаном людей! Но оттуда не выйдем, не выйдем уже никогда... Мы погибнем, мы схороним себя в ненасытном беге и трудовом ударе. Землею рожденные, мы в нее возвратимся... и когда в исступлении трудового порыва, земля не выдержит и разорвет стальную броню, она родит новых существ, имя которым уже не будет человек» [7, 57]. Нам представляется, что это предельно условное, построенное на нагнетании гиперболических образов описание процесса рождения новой жизни выражает переживание поэтом трагизма свершающегося, а не оправдания неизбежности многочисленных жертв. И в этом мы также видим одно из проявлений близости А.К. Гастева поэтам «Кузницы». Соотнося их с романтиками, А.А. Слюсарь обратил внимание на свойственную им долю отвлеченности в представлении об идеале. Гуманистический пафос их произведений, писал ученый о поэтах «Кузницы», проявлялся в убежденности, что революция преобразует людей, однако реальные пути духовной перестройки были ещё неясными. Поэтому нам гораздо ближе та оценка личности и произведений А.К. Гастева, которую высказал Вяч. Вс. Иванов, назвавший его «утопическим пролетарским писателем и ученым», наиболее «оригинальным» среди рабочих поэтов [2, 474].

Наиболее ярко представление пролетарских писателей и поэтов о новом искусстве выразилось в разработке ими художественной формы. А.А. Слюсарь, проанализировав стихи Владимира Тимофеевича Кириллова, обратил внимание на примеры асимметрии в построении строф, что привело к нарушению соответствия между фразой и строчкой; на роль переносов, подчеркивающих различие между строфическим и синтаксическим членением; на подчиненность стихотворного размера интонации разговорной речи и так далее [5, 17].

К принципиальной новизне художественной формы стремился и А.К. Гастев. С «пролетарским искусством, – писал он в статье «О тенденциях пролетарской культуры» (1919), – мы должны сделать ошеломляющую революцию художественных приемов» [4, 75]. И продолжал: «Если футуризм, выдвинул проблему «словотворчества», то пролетариат неизбежно ее тоже выдвинет, но самое слово он будет реформировать не грамматически, а он рискнет, так сказать, на технизацию слова. Слово, взятое в его бытовом выражении, уже явно недостаточно для рабоче-производственных целей пролетариата. Будет ли оно достаточно для такого тонкого и такого нового творчества, как пролетарское искусство? Мы не предпрещаем формы технизирования слова, но ясно, что это будет не только звуковым усилением, оно будет постепенно отделяться от живого его носителя – человека. Здесь мы вплотную подходим к какому-то действительно новому комбинированному искусству, где отступят на задний план чисто человеческие демонстрации, жалкие современные лицедейства и камерная музыка. Мы идем к невиданно объективной демонстрации вещи, механизированных толп и потрясающей открытой гранидиозности, не знающей ничего интимного и лирического» [1, 75]. Эта революционная работа должна была охватить не только художественную форму, но и завершиться рождением принципиально нового искусства, соединяющего в себе все до сих пор существовавшие его виды с техническими достижениями человечества.

Известно, что романтики в качестве идеального качества состояния мира видели тождество. Устремленность к нему проявилась и в декларируемой ими идее синтеза искусств. В новую культурно-историческую эпоху художники, в том числе и пролетарские поэты, к числу которых принадлежал и А.К. Гастев, вернулись к этой идее. Показателен в этом отношении фрагмент из «Железных пульсов», одной из частей его книги «Поэзия рабочего удара». Составление книги, представлявшей собой, по словам самого автора, «лирику рабочего движения» (из предисловия к пятому изданию) продолжалось с 1918 года (первое издание) до 1923 года (пятое издание). В том фрагменте, на который мы обратили внимание, выражено, пользуясь языком современной науки, «интермедальное» представление об искусстве как гармоническом единстве разных его видов. «И когда вся улица прониклась этим торжественным переливом волнения и звука, – читаем мы в «Железных пульсах», – потолок зала вспыхнул небывалой белизной и яркостью, улица присмирела, и из окон сразу, без настраивания хлынула на улицу стремительная буря оркестра. Гремела новая симфония «Гимн индустрии».

Это было воплощение мирового промышленного рокота под едва заметный аккомпанемент контрабасов, дававших иллюзию непрерывной работы мотора. Мотор то низко, настойчиво и терпеливо отсчитывал свои удары, и оркестр прижимал свои железные бравады, точно внизу под землю тысячи титанов-машин бурят невероятные толщи; то вдруг молоты подымутся кверху и там, за облаками, высоко поют свою песню самозабвенья, а оркестр, это – ликующее

человечество, вырвавшееся из подземелья и смело пославшее машины в небо, к планетам, звездам и млечным путям. Казалось, что люди рвутся от земли, она тесна, она вся уже взята молотом и машиной. Ликования оркестра перешли в крик и трепет тучи аэропланов, звуки уже плыли не в зале, а в незримых высях, сам оркестр потерялся для зрителя...» [1]. Безусловно, подобная картина звучания принципиально новой музыки абсолютно утопична. Но в ней отражены не только надежды человека новой эпохи на технику, которую он создает своими руками, опираясь на свой интеллект, и которая, подчиняясь ему, поможет ему сотворить новый мир. В этой картине отражено и извечное стремление к восстановлению единства человечества со всем мирозданием, которое, в частности, так было очевидно в искусстве романтиков.

Список использованной литературы

1. Гастев А.К. Поэзия рабочего удара. Москва: Художественная литература, 1971. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/gastev-poezia-rab-udara/gastev-poezia-rab-udara.html>
2. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II: Статьи о русской литературе. Москва: Языки русской культуры, 2000. 880 с.
1. Лихачёв Д. С. Очерки по философии художественного творчества. Санкт-Петербург: БЛИЦ, 1996. 163 с.
2. Опыт неосознанного поражения: Модели революционной культуры 20-х годов. Москва: РГГУ, 2001. 455 с.
3. Слюсарь А.А. Романтизм поэтов «Кузницы». *А.С. Пушкин и мировой литературный процесс*. Сб. научн. ст. по материалам Международной научной конференции, посв. памяти доктора филологических наук, профессора А.А. Слюсаря. Одесса: Астропринт, 2010. С.14 – 21.
4. Ткаченко Н.А. Реализация инфернального пространства в лексико-семантическом поле колоратива «красный» (на материале стихотворений в прозе А.К. Гастева). *Русский язык, литература, культура в школе и вузе*. 2008. № 3 (21). С.56 – 61.

Морева Т.Ю.

Одеський національний
університет ім. І.І. Мечникова
кафедра загального та слов'янського літературознавства
moreva.tamara2765@gmail.com

ПРОЛЕТАРСЬКА ПОЕЗІЯ ПЕРШИХ ДЕСЯТИЛІТЬ ХХ СТОЛІТТЯ І РОМАНТИЗМ (В КОНТЕКСТІ НАУКОВИХ ІДЕЙ ПРОФЕСОРА А.О. СЛЮСАРЯ)

У статті представлений аналіз програмних положень теорії нової культури Олексія Капітоновича Гастева, який представляв Петербурзьку групу Пролеткульту, а також його художніх творів в контексті концепції пролетарської поезії, обгрунтованої А. О. Слюсарем в його кандидатській дисертації.

Російська культура кінця 19-го початку 20-го століть - складний і суперечливий період у розвитку суспільства. У перехідну епоху перших десятиліть 20-го століття активізується інтерес до проблем долі, свободи людини. Перш за все, це обумовлено виходом історії на новий виток розвитку, що супроводжувався таким культурним процесом, як перегляд цінностей і зміна картини світобудови, осмислення особистістю себе як суб'єкта історичного розвитку.

На початку своєї наукової діяльності професор А. О. Слюсар зосередив увагу на одному з найбільш складних і суперечливих явищ літературного процесу рубежу століть - діалозі поетів перших десятиліть 20-го століття з романтизмом. У кандидатській дисертації він звернувся до такої сторони діяльності поетів «Кузні», як засвоєння ними традицій романтизму. О. К. Гастєв не входив в коло поетів «Кузні». І в той же час йому, як і поетам «Кузні», було притаманне принципово нове, революційне, розуміння культури, прагнення до творення зовсім нового, досі не існувало, мистецтва.

Якщо співвіднести поетів «Кузні» з романтиками, А. О. Слюсар звернув увагу на властиву їм частку абстрактності в поданні про ідеал. Гуманістичний пафос їх творів, писав учений про поетів «Кузні», проявлявся в переконанні, що революція перетворює людей, проте реальні шляхи духовної перебудови були ще не ясними.

Тому нам набагато ближче та оцінка особистості та творів О. К. Гастєва, яку висловив В'ячеслав Всеволодович Іванов, який назвав його «утопічним пролетарським письменником і вченим», найбільш «оригінальним» серед робочих поетів.

Ключові слова: пролетарська поезія, романтизм, романтика, поет-пророк, теорія культури, О. К. Гастєв.

Moreva T.Yu.

Odessa I.I. Mechnikov National University
Department of General and Slavic Literary Criticism
moreva.tamara2765@gmail.com

PROLETARIAN POETRY OF THE DECADES OF THE XXth CENTURY AND ROMANTICISM (IN THE CONTEXT OF THE SCIENTIFIC IDEAS OF PROFESSOR A.A. SLUSAR)

The article presents an analysis of the programmatic provisions of the theory of culture of Alexei Kapitonovich Gastev, who represented the Petrograd group of Proletkult, as well as his works of art in the concept of proletarian poetry, substantiated by A. A. Slyusar in his Ph.D. thesis.

Russian culture of the late 19th and early 20th centuries is a difficult and contradictory period in the development of society. In the transition era of the first decades of the 20th century, the problems of human freedom become more active. First of all, this is due to the release of history to a new stage of development, caused by such a

cultural process as a change in values and a change in the picture of the universe, a person's understanding of himself as a historical development.

At the beginning of his scientific career, Professor A. A. Slyusar focused on one of the most complex and contradictory phenomena of the literary period at the turn of the century – the dialogue of poets of the first decades of the 20th century with Romanticism. In his Ph.D. thesis, he turned to such an aspect of the work of the poets of «Kuznitsa» as their assimilation of the traditions of Romanticism. A.K. Gastev was not included in the circle of poets of “Kuznitsa”. And at the same time, like the poets of “Kuznitsa” he was inherent in a fundamentally new, revolutionary, understanding of culture, a desire to create a completely new art that had not yet existed.

Having correlated the poet of “Kuznitsa” with Romantics, A.A. Slyusar drew attention to his share of abstraction in the idea of the ideal. The scholar wrote about the poets of “Kuznitsa”, the humanistic pathos of their works was manifested in the strength that the revolution would transform people, but the real paths of spiritual restructuring were not yet clear.

Therefore, we are much closer to the assessment of the personality and works of A.K. Gastev, which was expressed by Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov, who called him "a utopian proletarian writer and scientist", the most "original" among the workers' poets.

Key words: *proletarian poetry, Romanticism, Romantics, poet-prophet, theory of culture, A. K. Gastev.*

References

1. Gastev A.K. Poeziya rabocheho udara [Poetry of a working blow]. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1971. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/gastev-poezia-rab-udara/gastev-poezia-rab-udara.html> [in Russian]
2. Ivanov Vyach. Vs. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. II: Stat'i o russkoj literature [Selected works on semiotics and the history of culture. Vol. II: Articles on Russian literature]. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. 880 s. [in Russian]
3. Lihachyov D. S. Oчерki po filosofii hudozhestvennogo tvorчestva [Essays on the philosophy of artistic creativity]. Sankt-Peterburg: BLIC, 1996. 163 s. [in Russian]
4. Opyt neosoznannogo porazheniya: Modeli revolyucionnoj kul'tury 20-h godov [Experience of unconscious defeat: Models of revolutionary culture of the 20s]. Moskva: RGGU, 2001. 455 s. [in Russian]
5. Slyusar' A.A. Romantizm poetov «Kuznicy». A.S. Pushkin i mirovoj Literaturnyj process [Romanticism of the poets "Kuznitca." A.S. Pushkin and the world literary process]. Sb. nauchn. st. po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posv. pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora A.A. Slyusarya. Odessa: Astroprint, 2010. S.14 – 21 [in Russian]
6. Tkachenko N.A. Realizaciya infernal'nogo prostranstva v leksiko-semanticheskom pole kolorativa «krasnyj» (na materiale stihotvorenij v proze A.K. Gasteva) [The implementation of infernal space in the lexico-semantic field of the colorative "red" (based on poems in prose by A.K. Gastev). Russkij yazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze. 2008. № 3 (21). S.56 – 61 [in Russian]

Статтю подано до редколегії 17 вересня 2020 р